

Дрёма

Семья моих знакомых шумсов самая необыкновенная! Во-первых, у папы Орро и мамы Люси пятеро детей, а не трое, как у всех шумсов. Да и дети это необычные. Вот, например, старшего ребёнка всегда называют Дрёмой, чтобы он получился большой и толстый, и за него в случае какой-нибудь опасности смогли бы спрятаться младшие дети. Но первенец у мамы Люси и папы Орро пророс в самый оживлённый час, на закате. В час заката все шумсы бегут на верхушки деревьев — солнце провожать. Они рассаживаются на ветках, печально складывают лапки и тихо шепчут:

— До завтра, солнышко, до завтра!

Шумсов очень много, шёпот получается дружный и громкий.

Только маленькая Кабадя никогда не бежит в закат на верхушки деревьев.

— Закат — дело индивидуальное, — говорит она.

Вот в этот час и пророс наш Дрёма. Поэтому он получился беспокойный и торопливый, а тот, кто беспокоится и торопится, не бывает толстым.

— Ты ненастоящий Дрёма, — говорит ему Кабадя, когда ей хочется повредничать.

— А ты ненастоящий шумс! — обижается Дрёма.

— Какая необычная у нас семья! — восторженно восклицает мама Люся.

Ле-ле

Ис ней трудно не согласиться. Ведь и второй их сын совершенно не похож на остальных шумсов. Потому что он... рыжий! Что же тут необычного? Подумаешь, рыжий! Но ведь если бы все шумсы были рыжего цвета, то люди давно бы заметили их среди листвы, переловили и посадили в клетки. Поэтому у шумсов шёрстка от светло-

зелёного до насыщенно-коричневого цвета, но уж никак не рыжая. Но у Орро и Люси пророс именно такой малыш.

— Посмотри, у него глаза чёрные, как угли! — сказала мама Люся.

— Назовём его Уголёк! — радостно закричал папа Орро.

— Это неподходящее имя для шумса, — смутилась мама Люся.

Но имя уже сорвалось с папиных губ и полетело прямо к новорождённому. И малыш тут же его проглотил, встал на лапки и счастливо улыбнулся. Имя пришлось ему по вкусу.

— Будем называть его Ле-ле, чтобы никто не догадался, — сказал папа.

Ле-ле ласково зажмурился, а его короткий хвостик описал круг «счастливого шумса».

Кабадя

Рыжий Ле-ле и разноцветная Кабадя проросли друг за другом так быстро, что папа с мамой не успели понять, как так вышло. Ле-ле едва научился петь основные песни, как появилась

Кабадя. Она лежала перед родителями на зелёном листе мать-и-мачехи и так быстро вертела разноцветным хвостом, двигала разноцветными ушами и лапами, что папа не успевал читать, что она хочет сказать. Левое ухо у неё было похоже на тополиный листик и задорно торчало вверх, а правое напоминало листик ивы и висело косичкой.

— Это Кадя-Бадя какая-то, Фигли-Мигли и Каляки-Маляки!

— Молчи! — закричала мама. — Не хватало ещё, чтобы её звали Каляки-Маляки!!!

Три имени поплыли к новорождённому шумсёнку. Папа Орро испугался и стал отгонять их прочь, но малышка вдруг высоко подпрыгнула и словила их все.

— НЕ-ЕТ!!! — закричали мама и папа, но было поздно, она уже откусила кусочек от Фигли-Мигли и тут же выплюнула.

— Умница, — выдохнул папа.

Каляки-Маляки тоже не пришлись ей по вкусу.

— Сейчас, сейчас, я придумаю тебе красивое имя, — пообещал папа. — Что-нибудь вроде «Утренняя роза» или «Полуденная звезда»...

— Давай лучше я, дорогой, — ласково сказала мама и охнула, потому что её новорождённая девочка, разноцветная и прыгучая, заглотила целиком имя Кадя-Бадя и блаженно зажмурилась.

— Кабадя, — отчётливо сказала она и запрыгала по веткам, распевая Песнь Беззаботного Дня (которую вообще-то шумсики разучивают только во втором классе ПЧиМУ).

— Кабадя, — пробормотал папа виновато, — куда же делось «дя»?

Мама Люся подняла с ветки крошку от имени и сказала папе очень строго:

— Пожалуйста, в следующий раз думай, прежде чем что-либо сказать над младенцем!

— Зато теперь у нас всё как у шумсов, — пробормотал папа в ответ, — трое детей, как и положено...

А старый ясенелистный клён улыбнулся. Он-то знал, что где-то, в глубине будущего, за далёкими звёздами, на ветвях Небесного Дерева зреют ещё два шумсёнка, и что они уже выбрали себе в родители папу Орро и маму Люсю.

Черешенка и Орешек

— Ну наконец-то у нас проросли обычные дети! — уныло пробормотал папа Орро.

— Да, типичные шумсы. Только их двое, дорогой.

Шумсята никогда не прорастают по двое. Ведь это совсем неудобно. Взять хотя бы обычай приветствия. Когда прорастает малыш, все родственники приходят в гости и целуют его в макушку. Говорят, это прибавляет ребёнку радости. Бедные родственники Орро и Люси! В тот день, когда проросла двойня, им пришлось не только дважды целовать младенцев, но и приносить по два листа мать-и-мачехи, по два цветка фиалки, по два семечка цветов... и так далее! Очень неудобно!

Все шумсы сначала удивлялись этому событию, качали головами, шуршали: «Вот это да!», и описывали хвостами полукруг «удивлённого шумса». Но потом привыкли. Потому что Орешек и Черешенка были как один шумс. Они были одинакового нежно-коричневого цвета, одного роста и на одну мордочку. Спали подолгу и ели с одинаковым аппетитом. Они даже говорили хором, правда,

каждый своё. Поэтому большинство родственников обращались к ним «эй!». Папа попробовал повесить им на лапки разноцветные браслетики, но они потеряли их в первый же день. Мама знала одну тайну — у Черешенки с внутренней стороны левого уха было зелёное родимое пятно. Но всё время выворачивать ухо ребёнку, когда хочешь назвать его по имени — это, согласитесь, как-то странно.

ПЧиМУ

Если быстро-быстро говорить: «ПЧиМУ, ПЧиМУ», то получится «почему», а всем известно, что «почему?» — любимый вопрос маленьких шумсят. Но это случайность. На самом деле ПЧиМУ расшифровывается как Пристанище Чудес и Мечтательных Учеников. Догадался? Правильно! ПЧиМУ — это школа для шумсов!

Такое название дал школе её основатель Шунянг, он всему любил давать смешные возвышенные названия. Над своим домом он повесил табличку: «Приют одинокого скитальца». Хотя был он вовсе не одинок — у него была жена Таша, трое

детей, девять внуков, двадцать семь правнуков, восемьдесят один праправнук, двести сорок три прапраправнука... Просто ему нравилось, как звучат эти слова.

Между прочим, наши шумсы были потомками великого Шунянга! Да-да! Ведь мама Люся приходилась двоюродной сестрой внучатому племяннику его прабабушки! Вся семья очень этим гордилась.

— Получше учите песни из Ёкки-Токки, не позорьте имя славного Шунянга, — говорил папа Орро, отправляя детей в школу.

И надо сказать, его дети были прилежными учениками. Кроме Кабади, которая больше любила сочинять свои песни, чем заучивать чужие.

— Пожалуйста, не надо, — шёпотом просил Ле-ле.

Он был настоящим поэтом, но очень робел, свои песни никому на свете не показывал, а слушать бессмыслицу, которую распевала его сестра, ему было неважно.

— Подумаешь! — фыркала Кабадя.

Ну вот я и рассказала о шумсах, с которыми подружилась. Теперь можно перейти к истории,

которая произошла в тот самый вторник, когда Кабадя первый раз пошла в ПЧИМУ.

Может быть, кому-то покажется удивительным, почему это случилось во вторник, а не в понедельник? Так ведь всем известно, что понедельник — день тяжёлый, вот шумсы никуда в понедельник и не ходят: ни на работу, ни в школу. Сидят дома и пекут крикале. А что такое крикале, я потом расскажу.

Кабадя идёт в школу

Вторник нового учебного года! Сегодня Кабадя отправляется в школу, и мама Люся встала пораньше, чтобы испечь крикале для своей дочурки. Ах, как она старалась в этот день! Наверное, потому что очень волновалась. Конечно, Кабадя хорошо воспитана, как и все её дети, но... Мама Люся сама не могла понять, что таится за этим «но», только как-то тревожно ей было.

— Кабадя просто прелесть, — бормотала она себе под нос, срывая семь листьев родного дерева. — Она такая хорошенькая, все её любят, — немного неуверенно сказала она, вдруг вспомнив старую бабушку Непаху.

Из-за этого неприятного воспоминания мама Люся чуть не вылила росу из кувшина и поэтому рассердилась — вечно Непаха говорит глупости, не надо вообще её слушать!

— Просто она непоседа, у неё такой характер, слишком прыгучий, — по дороге в лес объясняла кому-то невидимому мама Люся, — но я-то знаю, что она добрая и очень ранимая...

Мама Люся нашла поздние фиалки в тенистом уголке леса и залюбовалась ими. Они были так хороши, что даже жалко было их срывать, но все знают, что у фиалок самые нежные лепестки, а ведь сегодня крикале должно получиться особенно воздушным. Мама Люся вздохнула и, подпрыгнув, ухватила за краешек лилового лепестка.

— И, потом, они же в школе всего до обеда, она не успеет заскучать, они будут читать и петь песни, их научат особым прыжкам... — мама Люся вздохнула.

Что-что, а прыжки её дочь освоила ещё в колыбели. Она прыгала так, как не прыгал никто из шумсов, как вообще никто не прыгал.

— И с ней будут Дрёма и Ле-ле, они проследят, чтобы она не натворила там чего-нибудь, — мама

Люся стряхнула с ноготков и георгинов пыльцу в чашку и вместе с пылью туда упали две её слезинки...

Когда шумсята собираются в ПЧиМУ, старое гнездо грача становится похожим на ворох зелено-коричневых флажков. Сегодня там то и дело мелькал рыжий огонёк — это был, конечно, Ле-ле, а Кабадя, вцепившись ему в лапу, переливалась всеми цветами радуги. Дрёма посматривал на сестру и с облегчением думал, что сегодня обойдётся, кажется, без проказ.

Но вот в грачиное гнездо спрыгнули с ветки Чичма и Шишма — учительницы ПЧиМУ. Чичма и Шишма приходились друг другу пятиюродными сёстрами, и обе они были прапраправнучками великого Шунянга. Конечно, они страшно этим гордились. Обычно в школе царил порядок, никто не осмеливался ослушаться таких учительниц. Пока в ПЧиМУ не пришла Кабадя.

— Дети! В этот радостный день, когда золотое солнце своим теплом настраивает всех нас на рабочий лад... — начала Чичма, и вдруг Кабадя зевнула. Негромко. И Ле-ле даже успел прикрыть

ей рот лапой. Но Чичма всё равно сбилась. Никто никогда не зевал, когда она говорила приветственную речь. Она! Прапраправнучка великого Шуньянга! Дети не могут зевать, когда она говорит!

— Когда после нестерпимо долгой летней разлуки, — подхватила речь Шишма, — мы снова вместе и снова готовы постигать великие тайны бытия...

Кабадя зевнула чуть погромче. Она не специально! Это само так получилось! И Ле-ле уже не успел прикрыть ей лапой рот. Прапраправнучки великого Шуньянга в оцепенении смотрели на новенькую. И все ученики смотрели на неё. Кроме нашего Дрёмы (он уткнулся головой в колени — так ему было стыдно за сестру).

— Кто ты, милое дитя? — сладким голосом спросила Чичма.

— Кабадя, — подскочила Кабадя, чтобы её все рассмотрели получше. Ведь она новенькая, всем интересно с ней познакомиться.

— Какое странное имя... Кто твои родители?

— Люся и Орро! — Кабадя радовалась: какие лёгкие вопросы задают в школе! Пожалуй, она будет отличницей!

— А зачем ты подпрыгнула?

Не будет. На этот вопрос Кабадя не знала ответа.

— Просто она всегда прыгает, — вступился за сестру Ле-ле.

— Очевидно, ты её брат? — сказала Шишма. — Очевидно, старший. Что ж, ничего удивительного! Очевидно, вся семья у вас невоспитанная! Говорить, когда никто не спрашивает! Куда только смотрят ваши родители!

— Сейчас они смотрят за Орешком и Черешенкой, — с готовностью ответила Кабадя, — они ещё совсем маленькие!

Даже не знаю, что так сильно рассердило Шишму и Чичму, ведь Кабадя сказала чистую правду! Но они велели отправляться ей на Ветку Наказанных и сидеть там, пока она не научится себя вести. Ле-ле громко ойкнул: он понял, что Кабадя проведёт на Ветке Наказанных всю оставшуюся жизнь!

Кабадя сбегает в лес

Папа Орро не мог дождаться, когда дети придут из школы. Он прибрал на столе, перемыл посуду, он сел штопать осенние листья и отложил. Снова и снова подходил он к столу и заглядывал

под зелёное полотенце. До чего же долго тянутся уроки! И чему можно учить детей так долго? Папе казалось, что крикале под зелёным полотенцем пахнет вкуснее с каждой минутой. Он не выдержал и вышел из дома.

— Прогуляюсь по веткам, встречу детей...

Но дети сами бежали ему навстречу.

— Она сбежала! — вопили ученики ПЧиМу. — Она сбежала прямо с Ветки Наказанных!!!

Шумсята замельтешили вокруг папы Орро. Он пытался найти в этом хороводе своих детей, но это было не так-то просто. Он выловил Шипа — своего племянника и друга Ле-ле.

— Что у вас произошло? Где Ле-ле?

— Она сбежала! Дядя Орро, она сбежала прямо с Ветки Наказанных, прямо на глазах у Чичмы и Шишмы!

— Кто?!

— Кабадя!

Папа Орро выпустил лапку Шипа и сел на ветку.

— Дрёма и Ле-ле пошли её искать, — радостно сообщила ему какая-то зелёная девочка.

Да, всё так и было. Зря Ле-ле волновался, что Кабадя проведёт на Ветке Наказанных всю оста-

вшуюся жизнь. Ровно через 3 минуты 29 секунд она почувствовала невыносимый зуд в лапах. А потом в животе. В хвосте и ушах. Спасти от него могло только одно средство: нужно было срочно попрыгать! И Кабадя попрыгала. Она совсем не хотела сбегать! Она ведь понимала: школа — это очень серьёзно. Просто так получилось. Сначала она оказалась на верхушке дерева, потом почти у самой земли, потом она перепрыгнула забор и так испугалась дороги, что рванула в лес. В лесу Кабадя с облегчением поняла, что зуд прошёл. А значит, она может продолжать отбывать наказание. Ведь большого значения не имеет, на ветке какого дерева она будет это делать? И Кабадя забралась на сосну, села, сосредоточилась... и через 3 минуты 29 секунд поскакала искать другую ветку. Поудобнее. Так она всё дальше и дальше упрыгивала в лес, совсем не думая, как будет возвращаться домой.

Всего этого, конечно, не знали Дрёма и Ле-ле. Ле-ле видел только, как сестрёнкин хвост мелькнул в листве, а Дрёма не видел и этого, он слушал Шишму, которая как раз говорила, как важно быть

дисциплинированным и организованным. Похоже, только наш Дрёма её и слушал, потому что все остальные ученики ПЧИМУ ахнули, как один, когда Кабадя спрыгнула с Ветки Наказанных.

Это было так неожиданно, необыкновенно, сказать по правде, это вообще случилось впервые. Поэтому растерялись даже Чичма и Шишма. Уроки отменили. Выпущенные на свободу шумсики скакали по веткам к дому Орро и Люси. Каждому хотелось первому донести СТРАШНУЮ И УЖАСНУЮ весть до родителей Кабади.

Только Дрёма и Ле-ле плелись позади всех, а потом и вовсе остановились.

— Знаешь, — сказал Дрёма, — я не могу идти домой. Ведь я отвечаю за всех вас, что я скажу маме?

«Куда она убежала? А если в лес? А если её там съедят?» — думал Ле-ле.

— Надо её найти! — решили они хором.

Парк, в котором живут шумсы, очень большой, но Дрёме и Ле-ле хватило трёх часов, чтобы обежать его весь. К тому же к ним скоро присоединились все ученики ПЧИМУ и их родители. Мама Люся оставила близнецов бабушке Непaxe

(правда, пришлось выслушать, что она, мол, говорила, она была права: по Кабаде сразу было видно, что она странная... Мама Люся кивала и со всем соглашалась, лишь бы бабушка Непаха посмотрела за близнецами, пока мама Люся будет искать Кабадю). Потом она напрямик отправилась в лес. Мама Люся очень хорошо знала свою девочку!

Между Парком, где жили наши шумсы, и Почти Сосновым лесом лежала дорога. Это была узкая асфальтированная дорога с односторонним движением. Машины ездили по ней так редко, что мало кто из шумсов их видел. И всё-таки перейти дорогу для шумса — настоящий подвиг. Ведь они маленькие и очень плохо переносят разлуку с деревьями. Но мама Люся так боялась за Кабадю, что сама не заметила, как перебежала дорогу и очутилась в лесу.

В Парке было ещё светло и радостно, но в лесу начали сгущаться сумерки. Мама Люся осторожно ступала по тёплому мху. Она боялась так, как никогда в жизни не боялась. В голове у неё крутились самые страшные картины про Кабадю, и она никак не могла с ними справиться.

У пригорка мама Люся увидела кучу старых листьев и обрадовалась. Это была нора Бумбурука, а значит, где-то неподалёку — домик Крошки Юрка, который знает всё в лесу.

— Я знаю, я знаю! — закивал Крошка Юрк. — Я видел её, как раз собрался обедать, вдруг смотрю: какой-то шумсёнок нездешний...

— Всё тарахтит и тарахтит, — пробурчал Бумбурук, выглядывая из норы и недовольно глядя на Крошку Юрка, — проснёшься и слышишь: тыр-тыр-тыр, тыр-тыр-тыр... голова уже гудит, а ему всё равно...

Но мама на жалобы Бумбурука внимания не обратила, сложив лапки, она с мольбой посмотрела на Крошку Юрка, который всё знал.

— Она побежала к большой сосне, проскочила, как молния, даже не поздоровалась, а это, знаете, не очень-то вежливо, тем более, если ты первый раз в лесу, надо же быть вежливым и ...

Мама Люся побежала к большой сосне так быстро, что только лапы засверкали. И Крошка Юрк возмутился ей вслед:

— Шишка от сосны недалеко падает...

В большой сосне было дупло, хотя сосны — не те деревья, в которых обычно появляются дупла. Мама Люся обежала сосну три раза, потом поскакала наверх, заглядывая в пучки иголок и глубокие трещины коры. Вдруг маме представилось, как она забирается в дупло, а Кабади нет и там. Мама Люся помотала головой: нет, нет, она найдётся, обязательно найдётся!

Кабадя была в дупле. Она спала на сухих сосновых иголках, подложив лапку под щёку и тихонько посапывая. Мама Люся села возле дочки,

погладила её хохолок на голове. Потом прилегла рядом и поцеловала. Кабадя пробормотала во сне:

— У нас хорошая семья. Они просто нас не знают. Не надо ругать родителей, детям ведь это обидно, да?

Мама обняла её, облегчённо закрыла глаза и сонно кивнула.

Вечернее чаепитие

Папа Орро очень сердился. Он кричал на всё дерево:

— Как ты могла! Мы здесь сходим с ума! Неужели нельзя было подумать о нас! Дрёма стёр лапы в кровь! А ты! Нашла её и что? Бросилась сообщать нам, что всё хорошо? Нет, ты... ты легла спать!

Маме Люсе было стыдно. Хвост её скукожился и повис. Она смотрела в пол. Но когда у папы Орро кончились слова, она подняла глаза и сказала тихо, но твёрдо:

— Мать имеет право побыть наедине с ребёнком, которого она только что нашла.